

Беспризорности во время блокады не было

В Год литературы и приближающегося 70-летнего юбилея Победы мы продолжаем рассказ об интересных экспонатах, хранящихся в библиотеке «Музей книги блокадного города». Подчеркнем, что ни один экспонат, находящийся в музее, не был куплен, — в фонде только то, что библиотеке подарили сами ленинградцы, пережившие блокаду.

Светлана Задулина

Особое место в экспозиции занимают школьные принадлежности Риммы Анатольевны Власовой, которая во время блокады посещала школу. На фотографиях вы видите эти бесценные документы. А еще Римма Анатольевна подарила библиотеке свои воспоминания. Написаны они спокойным и сдержанным языком — видимо, автор не ставила целью шокировать нас ужасами блокадной жизни. Хотя каждый вдумчивый читатель и за этими строками увидит страшную повседневность блокадного города и то, как в ней выживали маленькие ленинградцы. Сегодня мы публикуем большой фрагмент этих воспоминаний. Их нам показала заведующая библиотекой София Геннадьевна Колосова, которая также дополнила и прокомментировала эти воспоминания.

Зима 1941 – 1942 годов

«В первый сильный налет в сентябре 1941 года окна нашей квартиры остались почти без стекол. Кое-как забили их фанерой, утеплили половиками. Оставшаяся застекленная часть давала очень мало света. Постепенно наступал голод, а затем и — холод. Холода пришли рано, в ноябре, и зима была чрезвычайно холодной — 30 — 40 градусов мороза. В нашей темной промерзшей квартире постоянно жили бабушка, я и моя тетя, окончившая в июне 10-й класс. Мама почти всегда находилась на казарменном положении.

Нашей спасительницей стала тетя. Она доставала хлебный паек, носила воду из проруби Обводного канала. Преодолевать заледеневшие берега канала, набрать воды и донести ее было очень непросто обессилевшему от голода человеку. Дома тетя Нина раздувала самовар в комнате. Все члены нашей семьи были чрезвычайно дисциплинированными, сохраняли режим дня. Когда закипал самовар, я и бабушка покидали свои «теплые» спальные места. Начиная наш завтрак, состоявший из трети дневного пайка хлеба и горячей воды.

Это поддерживало жизнь в организме, хотя тяжелейшее чувство голода все равно не покидало никогда...

Кроме темноты, пронизывающего холода и мучительного голода, приходилось испытывать ужас бомбардировок и артиллерийских обстрелов. Мы прислушивались к черной тарелке радио. По ней объявляли воздушные тревоги, отбой, передавали военные сводки, выступала Ольга Берггольц, но чаще всего звучал метроном. Радио связывало нас с внешним миром.

Жилой была только большая комната нашей квартиры, в ней находилась буржуйка, но ничтожное количество дров из мебели и книг не могло согреть помещение. В соседней комнате велась «заготовка» дров для самовара и буржуйки. Около буржуйки можно было погреться, подсушить свой маленький кусочек хлеба — тогда он медленнее съедался.

Нашей семье повезло тем, что в соседнем доме находился хозяйственный магазин. В самом начале войны удалось запастись пластинками столярного клея. Его мы ели в самое голодное время. Размоченный проваренный клей при остывании давал иллюзию студня. Мой детский организм не воспринимал такую пищу. У меня начинались страшные боли в животе. Бабушка запрещала давать мне клей, но видеть, как рядом «наслаждаются едой» было трудно, и я не могла устоять.

Освещалась комната крошечной копилкой, свет был только рядом с ней. Для меня этого освещения было достаточно, чтобы читать. Закутанная я брала книгу и погружалась совсем в другую жизнь...

Наступила весна

Весной ленинградцы вышли убирать свой город. Появилась зелень. Маму в мае 1942 года мобилизовали как вольнонаемную. Работа ее и других молодых женщин заключалась в том, чтобы поддерживать в должном состоянии взлетные полосы на Комендантском

Особое место в экспозиции занимают школьные принадлежности Риммы Анатольевны Власовой, которая во время блокады посещала школу.

аэродроме. Там мама собирала крапиву и лебеду — это была замечательная витаминная еда. В мае представители школ стали ходить по квартирам и собирать детей, достигших школьного возраста.

Школа без «поблажек»

Все лето будущих школьников «откармливали» (завтрак, обед), развлекали; дети понемногу занимались, гуляли, читали. К началу учебного года мальчиков остригли наголо, а девочек оставили челки (чтобы отличать). В сентябре начались уроки. Нам было интересно, правда, по-прежнему мучили холод и голод, но и они в коллективе переносились легче. В первом классе было совместное обучение. В нашей школе набрался небольшой класс девочек и мальчиков. Мне кажется, что никаких поблажек выжившим в блокадную зиму детям в школе не делалось. Учились мы серьезно и с удовольствием, несмотря на ежедневные артиллерийские обстрелы. До школы ходить было далеко, теплой одежды и обуви практически не было, но тогда никто не придавал этому значения.

Так проходила учеба в блокадном городе».

— В таблице успеваемости, которые выдавались до 1943 года, — комментирует воспоминания читательницы София Колосова, — оценок не было. Вмес-

то них стояло: «отл.», «хор.», «удовл.». Оценки появились только в 1943 году. Дневники выглядели почти так же, как и сегодня, но на последней странице обложки мы находим надпись о том, что его продажа карается по закону. Дневник был документом школьника, поэтому к нему относиться нужно бережно, тщательно записывать задания и выставлять все оценки.

София Геннадьевна Колосова также рассказала, что еще у школьников были ученические билеты, в которых были изложены правила поведения в школе: то, как правильно руку поднимать, как приветствовать учителя и другие. К билету прилагались талоны на питание. Блокадным детям на весь учебный год выдавали только по 60 тетрадей (работала фабрика «Свечок») — это не много, учитывая, что тетради, как и сейчас, заводить нужно было по всем предметам. Занятия начинались чаще всего в 8 часов утра, а заканчивались в 10 вечера. При школе работали кружки, и дети проводили время там. Тогда было принято, чтобы все были вместе, в коллективе, поэтому дополнительные уроки по рисованию или по музыке организовывались для всего класса. А еще любили выпускать стенгазеты.

Правда, классы были небольшими — состояли примерно из 14 учеников. А все потому, что много детей умерло от голода в страшную зиму 41 — 42 годов, кто-то успел и эвакуироваться. В школе находились практически целый день (большинство родителей было на казарменном положении), поэтому непризорности во время блокады не допустили.

— Школьная программа, — рассказывает София Колосова, — должна была обязательно быть выполненной. Мы видели архивный документ, согласно которому в одной из школ не успели выполнить программу по черчению, и учебный год продлили.

И еще. Оказывается, новый учебный 1941 — 42-й год для первых — шестых классов начался 3 ноября в домохозяйствах, старшие классы стали заниматься с 25 октября. В следующем учебном году были внесены коррективы: младшие школьники начали его с 1 сентября, старшеклассники в это время оставались еще на огородах.

Напомним, что в Московском районе работали только две школы: 356-я (Заставская ул., д. 9) и 367-я (ул. Тамбовская, д. 17), однако интересно, что в городе в 1941 — 42 годах без перерыва работали 55 школ, а выпуск десятиклассников состоялся в 33 школах.

Продолжение читайте в следующем номере.